

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)© 2018 г. О. В. Сулемина
г. Воронеж, Россия

СУДЬБА КАК «АГЕНТ» СТРАШНОГО В ПОЭМАХ А. С. ПУШКИНА

Аннотация: Тема судьбы занимает в творчестве А. С. Пушкина особое место. Судьба имеет несколько воплощений. Это либо благое Провидение, либо злой Рок, либо Случай, играющий с человеком. В данной работе мы рассмотрим реализацию страшной судьбы в нелирической поэзии, где создается особое пространство, в котором человек оказывается «игрушкой» надличностных сил и в итоге приходит к гибели. Однако стоит отметить, что человек попадает под влияние злого рока вследствие определенных поступков или мыслей. В то время как Провидение благосклонно, Судьба — злой Рок приносит человеку исключительно страдания.

Ключевые слова: судьба, рок, поэма, статуя, страшное.

Информация об авторе: Оксана Владимировна Сулемина — кандидат филологических наук, старший преподаватель, Воронежский государственный технический университет, ул. 20-летия Октября, д. 84, 394006 г. Воронеж, Россия. E-mail: russ_yaz_kaf@vgasu.vrn.ru

Дата поступления статьи: 19.01.2018

Дата публикации: 28.12.2018

Для цитирования: Сулемина О. В. Судьба как «агент» страшного в поэмах А. С. Пушкина // Вестник славянских культур. 2018. Т. 50. С. 158–164.

Тема страшной судьбы человека затрагивается Пушкиным и в лирике, и в поэмах, но именно на сюжетном уровне поэм это происходит более эксплицировано.

Мы уже говорили о роковом пространстве Судьбы в поэме «Медный всадник». [6] Еще один вариант *страшной судьбы* разворачивается в «Каменном госте» (1830) [8]. «Наброски» сюжета о мертвом ревнивом муже можно заметить в «лицейском» послании «К молодой вдове» [9]: «Почему, в любви счастливой / Видя страшную мечту, / Взор недвижимый, / боязливый / Устремляешь в темноту? / <...> Вечно ль слезы проливать, / Вечно ль мертвого супруга / Из могилы вызывать? / <...> Верь любви — невинны мы. / Нет, разгневанный ревнивец / Не придет из вечной тьмы; / Тихой ночью гром не грянет, / И завистливая тень / Близ любовников не станет, / Вызывая спящий день») [5, т. 1, с. 187]. Здесь лирический субъект уверен в собственной безнаказанности, потому что никак не связан со смертью мужа своей возлюбленной, который, «блаженством упоенный, / На груди» ее «уснул». Тень, которая способна в раннем стихотворении лишь принести с собой воспоминание о прошлом и напугать этим, никак физически не влияя на настоящее, в «Каменном госте» «конденсируется» в живую статую — орудие возмездия убийце.

Дон Гуан сам устремляется навстречу наказанию за убийство Командора, будто одержимый злой силой. Мы встречаем его на кладбище, территории мертвых, к ко-

торым теперь принадлежит и Командор. Герой говорит, что был выслан из Мадрида, чтобы его «оставила в покое семья убитого».

Однако он действует вопреки здравому смыслу, возвращаясь и будто специально добываясь своей гибели: при очередной встрече с Доной Анной, женой (двоение образа Анны как жены-вдовы указывает на ее посмертную «принадлежность» мужу) Командора «у гроба» Дон Гуан озвучивает просьбу, которая затем исполняется почти детально.

Дона Анна.

Ну? что? чего вы требуете?

Дон Гуан.

Смерти.

О пусть умру сейчас у ваших ног,

Пусть бедный прах мой здесь же похоронят

Не подле праха, милого для вас,

Не тут — не близко — дале где-нибудь,

Там — у дверей — у самого порога...

Итак, пребывая в пространстве Командора, Дон Гуан планирует собственную смерть следующим образом: гибель у ног Доны Анны, погребение у порога. Смертельный locus обозначен. Карающая сила судьбы действует через вдову Командора, которая «памятник <...> воздвигла», с помощью скульптора наделив его чертами «исполин(а)», и «согре(вает)» его «дыханием небесным», окропляя «любви <...> слезами», т. е. будто бы поддерживает в нем жизнь, которая нужна, чтобы отомстить. Дона Анна не подозревает о своей «роли» орудия судьбы (и «посредника» между Гуаном и роком, воплощенным в статуе); она вынуждена уйти с «гробницы», назначив время и место встречи-смерти, потому что «моление <...> в ум нейдет». Но с уходом Доны Анны «Другое» заявляет о себе открыто: статуя *глядит и сердится*, а потом и вовсе *кивает*. Дон Гуан «шутит» с Командором, пытаясь даже после убийства отомстить ему за то, что он Доной Анной «выбран был», но на самом деле действует в соответствии с «волей» самой живой статуи. Получая ответ, Дон Гуан испытывает страх: «Страшное, собственно, и страшно у Пушкина именно потому, что оно *есть*, и не как нечто “случайное” и “постороннее”, а как шифр ощутимой близости “другого”, <...> с которым спорить нельзя» [8, с. 184].

Заглавный герой продолжает движение к гибели, говоря при последней встрече с Доной Анной, что «казнь <...> заслужил» и опять настаивая на приятии смерти:

Что значит смерть? за сладкий миг свиданья

Безропотно отдам я жизнь. —

что реализуется практически сразу.

Дона Анна будто прозревает невозможность выхода для героя и оказывается права: судьба-наказание в лице статуи, несущей смерть, ждет Дона Гуана у порога, как он и «просил», на кладбище. Круг замыкается, и герой это осознает, но предпринимает последнюю попытку заявить о самостоятельности своих решений: «Я звал тебя и рад, что вижу». Однако и эта попытка оборачивается исполнением роковой воли: «приветственное» рукопожатие оказывается смертельным. Художественное пространство «Ка-

менного гостя» представляет собой сцену, на которой Судьба разыгрывает трагедию человеческих жизней. «Актеры» не всегда осознают действие воли «главного режиссера», а если и осознают, то не могут ей противиться.

Невозможность для человека противиться *роковой* Судьбе, которая страшна своей близостью и непреодолимостью своего воздействия, можно наблюдать, например, в стихотворении «19 Октября» (1825) [5, т. 2, с. 374–377], где лирический субъект вспоминает об *узком круге друзей*, «Из края в край преследуем грозой, / Запутанный в сетях судьбы суровой...».

Роковое пространство судьбы, в котором пребывают бессильные противостоять ей герои, разворачивается перед нами и в «Пире во время чумы» [5, т. 7, с. 173–184], где высшая степень человеческого ужаса выражается через безумное пиршественное веселье. (Ср. замечание Пушкина «<О поэтическом слоге>», 1828: «<...> иногда ужас выражается смехом».)

Здесь, думается, стоит вспомнить о стихотворении П. А. Вяземского «Осень 1830 года»: «Как осень хороша! как чисты небеса! / <...> Но горе! тайный враг, незримый, неизбежный, / Средь празднества потряс хоругвию мятежной. / На ней начертано из букв кровавых: Мор. / <...> Смерть воцарилась, жизнь во лжи изобличая, / И сердце, сжатое боязнью и тоской, / Слабеет и падет под мыслью роковой. / Не верьте небесам: им чувство доверялось, / Но сардонически и небо улыбалось. / <...> Земного царства царь, в владении своем, / Один под бич поник униженным челом, / <...> Так в жертвах, преданных секирам палачей, / Последняя стоит, в живой кончине страха, / И очереди ждет, чтоб упразднилась плаха. / Отсрочка ей не жизнь, судьбы коварный дар; / И вместо, чтоб пресек в ней жизнь один удар, / Над нею смерть, свои удары помножая, / Страданий лестницей ведет на край от края» [3]. Именно прохождение обреченных через «жив(ую) кончин(у) страха» изображает Пушкин в своем «Пире...».

Пирующие, пребывая в мире, где царствует Чума, будто «отмечены» ей, что делает их, по слову священника, подобными бесам. Каждый из участников пира понимает свою обреченность и греховность; Вальсингам говорит:

<...> я здесь удержан
Отчаяньем, воспоминаньем страшным,
Сознаньем беззаконья моего,
И ужасом той мертвой пустоты,
Которую в моем доме встречаю...

Воспоминание, которое для поэта служит орудием творчества, для людей, лишенных дома и родных, одиноких перед роковой судьбой, оказывается «орудием» вторгающегося в мир ужаса.

Воспоминание о собственном грехе постоянно преследует и страшит Бориса в трагедии «Борис Годунов»:

Душа сгорит, нальется сердце ядом,
Как молотком стучит в ушах упрек,
И все тошнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах...
И рад бежать, да некуда... ужасно!
Да, жалок тот, в ком совесть нечиста.

Вспомним «лицейское» стихотворение «Сон»: «Я не злодей, с волнением и тоской / Не зрю во сне кровавых приведений / <...> И в поздний час ужасный бледный *Страх* / Не хмурится угрюмо в головах» [5, т. 1, с. 147].

Герой испытывается собственной совестью посредством ужаса, охватывающего все его чувства и влекущего к неминуемой расплате. Смертный грех Бориса требует смертельного искупления, и он это сознает. Кровавые мальчики, которые видятся царю, — это, как кажется, не только убиенный им царевич, но и его сын, обреченный на смерть (род Бориса прерывается карающей силой).

Территория трагедии — это область жестокой и безразличной Истории, где нет места милости. Народ, совокупно представляющий не официальную, а частную сферу исторического процесса, испытывает ужас перед безликой возвышающей и карающей силой, которая «играет» судьбами всех, кто причастен к ней.

Представляется, что сюжетом всех упомянутых нами пушкинских драм служит столкновение человека с «Другим» — надличностной роковой силой, беспристрастной или враждебной «частному» существованию, которая разрушает личность и подчиняет ее своей воле.

Этот же сюжет реализуется и в «Сказке о золотом петушке» (1834) [5, т. 3, с. 557–564], где *сонное* царство Дадона становится объектом действия морока, который наводит демоническая сила. Пассивность и дремотное состояние царя («Царствуй, лежа на боку!») делают его (и его царство) объектом влияния внешних сил. Спокойный сон Дадона, который родствен «дремот(е) хладн(ой)» [5, т. 2, с. 42] из лирики, ведет к «застыванию», смерти (этим обусловлено прекращение продолжения царского рода с гибелью сыновей). Золотой петушок («мертвая» фигура) оказывается единственным живым и активным существом в государстве, поскольку воплощает в себе охранительную волю Звездочета. Петушок регулярно прерывает спокойный сон царя, чтобы указать ему на приближающуюся опасность. Пробужденный Дадон сталкивается со страшной реальностью:

Петушок опять кричит;
Страх и шум во всей столице.

Попытки царя сохранить покой и избавиться от внешней угрозы заканчиваются плачевно. Звучащий вначале как предупреждение, крик петушка начинает казаться посланием страшного и неизвестного врага, регулярно [5, т. 4, 8, с. 39–64] требующего себе жертву.

Шамаханская царица наделяется демоническими, потусторонними чертами: она появляется после того, как

Застонала тяжким стоном
Глубь долин, и сердце гор
Потряслося. <...>, —

будто разбуженный представитель преисподней. Ее шатер стоит «в ущелье тесном», пространстве, связанном в пушкинской художественной реальности с демоническими, адскими персонажами. Кроме того, она выходит к царю, «сияя как заря», что отсылает к образу Люцифера. Своей завораживающей силой царица «наводит морок» на сыновей Дадона, самого царя и даже Звездочета. Смерть Звездочета и Дадона проис-

ходит примерно по тому же сценарию, что и гибель царских сыновей: царица заволаживает своих противников так, чтобы они боролись друг с другом, т. е. побеждает врагов их собственными руками. Исчезновение царицы еще больше усиливает бессмысленность гибели ее врагов. Сам факт ее появления в пределах дадонова царства вызван его статичностью, отсутствием воли и движения. Субъект, лишенный собственного устремления и пребывающий в пассивно-сонном состоянии, становится объектом воздействия «Другого».

Вообще, говоря о «сновидчестве» (в особенности о его «страшной» составляющей) пушкинских героев, представляется уместным выделить две его основные вариации. *Первую* из них можно охарактеризовать словами А. П. Сумарокова из его пародийной, но очень точно фиксирующей при этом определенный топос оды: «И наяву зрю страшный сон» [7 с. 287]. Это особое состояние, которое характеризуется проникновением «Другого» в наличную реальность и последующим ее преобразованием в подобие «страшного сна»; такой «реальный сон» преследовал Евгения из «Медного всадника». Второй вариант связан с обратным процессом; это, например, провиденциальные страшные сны Татьяны («Евгений Онегин») [10 р. 137–175], Петруши Гринева («Капитанская дочка» [4]).

Завершая обзор «страшной» реальности в рассмотренных нами «сюжетных» поэтических произведениях Пушкина, добавим, что, хотя «страшное» и связано с влиянием надчеловеческой, враждебной высшей силы (будь то силы рока или хаоса), оно обычно «проникает» внутрь частного человеческого существования только как ответ на определенные действия (воспринимаемые как «грех») или, наоборот, бездействие человека. «Встреча с судьбой» так или иначе обусловлена предшествующими поступками героев: «просто так» в пушкинском мире ничего не происходит. Судьба как провидение (подчиненное воле бога) благосклонна, судьба как беспристрастный рок (воздаяние за «грехи») страшна, поскольку лишена *милости к падшим*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Ахматова А. А. «Каменный гость» Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. II. С. 194.
- 2 Вяземский П. А. Осень 1830 года // Вяземский П. А. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1958. С. 227–229.
- 3 Коджак А. Сказка Пушкина «Золотой петушок» // American Contributions to the 8th International Congress of Slavists. Ohio, 1978. Vol. 2. P. 332–334.
- 4 Николаева Т. М. «Слово о полку Игореве». Поэтика и лингвистика текста; «Слово о полку Игореве» и пушкинские тексты. М.: КомКнига, 2005. С. 234–256.
- 5 Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 19 т. М.: Воскресенье, 1994–1997.
- 6 Сулемина О. В. Роковое пространство судьбы в поэме А. С. Пушкина «Медный всадник» // Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 2 (25). С. 39–46.
- 7 Сумароков А. П. Избр. произведения. Л.: Сов. писатель, 1957. 607 с.
- 8 Фаустов А. А. Авторское поведение Пушкина: Очерки. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2000. 321 с.
- 9 Якобсон Р. Статуя в поэтической мифологии Пушкина // Работы по поэтике: Переводы / сост. и общ. ред. М. Л. Гаспарова. М.: Прогресс, 1987. С. 145–197.
- 10 Hasty O. P. Pushkin's Tatiana O. P. Hasty. Madison: Univ. of Wisconsin Press, 1999. 269 p.

© 2018. Oksana V. Sulemina
Voronezh, Russia

FATE AS THE AGENT OF FEAR IN PUSHKIN'S POEMS

Abstract: Theme of fate holds a special place in the works of A. S. Pushkin. Fate has several incarnations. This is either a good Providence or an evil Fatum or a chance that plays with man. This paper is to consider the realization of a terrible fate in non-lyrical poetry where a special space, in which a person turns out to be a “toy” of transpersonal forces and eventually meets his doom, is created. However we must note that a man falls under the influence of evil fate due to his certain actions or thoughts. And while Providence is supportive Fate, the evil Fatum, brings to him only sufferings.

Keywords: fate, fatum, poem, statue, terrible.

Information on the author: Oksana V. Sulemina — PhD in Philology, Senior Lecturer, Voronezh State Technical University, 20-years October St., 84, 394006 Voronezh, Russia. E-mail: russ_yaz_kaf@vgasu.vrn.ru

Received: January 19, 2018

Date of publication: December 28, 2018

For citation: Sulemina O. V. Fate as the agent of fear in Pushkin's poems. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 50, pp. 158–164. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Ahmatova A. A. “Kamennyj gost” Pushkina [Pushkin's “The stone guest”]. *Pushkin: Issledovanija i materialy* [Pushkin: Research and studies]. Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1958. Vol. 2. P. 194. (In Russian)
- 2 Vjazemskij P. A. Osen' 1830 goda [Autumn of 1830]. *Stihotvorenija* [Poems]. Leningrad. Sovetskij pisatel' Publ., 1958, pp. 227–229. (In Russian)
- 3 Kodzhak A. Skazka Pushkina “Zolotoj petushok” [Pushkin's tale “Golden Rooster”]. *American Contributions to the 8th International Congress of Slavists*. Ohio, 1978, vol. 2, pp. 332–334. (In Russian)
- 4 Nikolaeva T. M. “Slovo o polku Igoreve” “Lay of Igor's campaign”. *Pojetika i lingvistika teksta; “Slovo o polku Igoreve” i pushkinskie teksty* [Poetics and linguistics of the text; “Lay of Igor's campaign” and Pushkin's texts]. Moscow, KomKniga Publ., 2005, pp. 234–256. (In Russian)
- 5 Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochinenij: v 19 t.* [Complete works: in 19 vols.]. Moscow, Voskresen'e Publ., 1994–1997. (In Russian)
- 6 Sulemina O. V. Rokovoe prostranstvo sud'by v pojeme A. S. Pushkina “Mednyj vsadnik” [The fatal space of Destiny in A. S. Pushkin's poem “The Bronze Horseman”]. *Lingvistika i mezhkul'turnaja komunikacija*, 2017, no 2 (25), pp. 39–46. (In Russian)
- 7 Sumarokov A. P. *Izbrannye proizvedenija* [Selected works]. Leningrad, Sovetskij pisatel' Publ., 1957. 607 p. (In Russian)
- 8 Faustov A. A. *Avtorskoe povedenie Pushkina: Očerki*. [Pushkin's author behavior: Essays]. Voronezh, Izdatel'stvo VSU Publ., 2000. 321 p. (In Russian)
- 9 Jakobson R. Statuja v pojeticheskoj mifologii Pushkina [Statue in Pushkin's poetic mythology]. *Raboty po pojetike: Perevody* [Works on poetics: Translation]. Moscow, Progress Publ., 1987, pp. 145–197. (In Russian)

- 10 Hasty O. P. *Pushkin's Tatiana*. Madison, Univ. of Wisconsin Press Publ., 1999. 269 p. (In English)